

Вряд ли какую-то роль могли играть показания Сперанского на первом допросе. Причина была другой, и в материалах дела она находит косвенное подтверждение. В то время спасти человека, попавшего на Лубянку, могло лишь одно: обращение на высокое, а еще лучше высочайшее имя авторитетного для властей человека. В данном случае это был младший брат Михаила Несторовича, известный детский врач Георгий Несторович Сперанский. В те годы он был директором Института охраны материнства и детства и, что важнее всего, главным кремлевским педиатром, лечившим детей членов Политбюро. Благодаря его просьбам зам. председателя ОГПУ (видимо, тот же Я. С. Агранов) распорядился держать Сперанского до суда дома.

Но освобождение не означало прекращения дела. Следствие продолжалось. Сперанского возили на допросы и очные ставки. Уже на следующий день после возвращения домой, 16 апреля, Сперанского допрашивают в связи с показаниями слависта, заместителя директора Института славяноведения в Ленинграде В. Н. Кораблева. Он проходил по сочинявшемуся параллельно с московским «делом „Российская национальная партия“» ленинградскому делу; пострадавшим по этому делу предъявлялись схожие обвинения⁶. Из всех арестованных в 1933—1934 гг. славистов В. Н. Кораблев, пожалуй, больше всего был склонен сотрудничать со следствием; как видно из материалов дела, он не просто подтверждал то, что требовали следователи, как, например, больной и деморализованный А. Д. Седельников, а давал развернутые показания с большим числом подробностей, вероятно, в расчете на снижение наказания (в результате он был приговорен лишь к ссылке в Казахстан, из которой, однако, не вернулся). В эти дни Кораблев был привезен из Ленинграда в Москву специально для показаний против Сперанского и подробно описывал разговоры о деятельности «фашистской организации», которые они, якобы, вели со Сперанским во время его приездов в Ленинград на сессии Академии наук. Сперанский, подтвердив свои приезды в Ленинград в указанные Кораблевым сроки и свои встречи с Кораблевым, заявил в то же время, что ничего не знает о политических убеждениях Кораблева и «никогда с ним на политические темы не разговаривал».

После этого в тот же день была устроена очная ставка между В. Н. Кораблевым и М. Н. Сперанским. Из уст Кораблева Михаил Несторович, только за день до этого несколько успокоенный освобождением, впервые услышал обвинения в руководстве «националистической организацией» славистов.

Ответы Сперанского показывают, что он остался верен своему намерению говорить только правду. «Панславистом я ни до революции, ни после ее не был. Резкого отношения к существующему в стране политическому режиму в общем я не проводил. О тяжелом положении науки в Советском Союзе и о продолжающемся развитии ее в капиталистических странах я Кораблеву В. Н. говорил. О неизбежности изменения существующего в стране политического строя я В. Н. Кораблеву не говорил. Встречи с В. Н. Кораблевым и обстоятельства их подтверждаю... Я говорил В. Н. Кораблеву, что в Москве существует националистически настроенная группа славистов. Не помню, чтобы называл кого-либо из ее состава. Я говорил, что это дружная, сплоченная группа, что участники ее между собой часто встречаются, но не говорил, что они собираются у кого-либо. О том, что группа обсуждает панславистские вопросы, я Кораблеву не говорил. О том, что Н. Н. Дурново и Г. А. Ильинский играют в группе активную роль, а я ее возглавляю, я В. Н. Кораблеву не говорил. О связях с заграничными славистами я В. Н. Кораблеву говорил, но не говорил, что эти связи имеют политический характер». В итоге Сперанский заявил: «К контрреволюционной организации я не принадлежал и о существовании ее мне не было известно».

⁶ В. Н. Кораблев был единственным славистом, шедшим по этому делу. Среди осужденных по нему тоже немало известных ученых: геолог, ученик и близкий друг В. И. Вернадского Б. Л. Личков, химик, будущий академик Г. А. Разуваев, антрополог Г. А. Бонч-Осмоловский, византист Ф. И. Шмит, нумизмат-востоковед Р. Р. Фасмер и др.